

«МУЖИК ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ПО ХРЕБТУ».
ИНТЕРВЬЮ С А.В. ГЛАДЫШЕВЫМ
(К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

14 января 2022 г. исполнилось 60 лет члену Редакционного совета «Французского ежегодника», профессору Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доктору исторических наук Андрею Владимировичу Гладышеву. Его глубоко фундированные, но увлекательно написанные книги о Франции XIX века хорошо известны всем, кто интересуется ее историей. По случаю этой круглой даты главный редактор Ежегодника взял у юбиляра интервью, которое и предлагается далее вниманию читателей.

А.В. Чудинов: Мы с тобой знакомы уже тридцать четыре года, и, признаюсь, меня всегда подкупала и восхищала та высокоинтеллектуальная атмосфера, которая неизменно царила в твоей семье. Повлияло ли на твой выбор профессии то, что с детства тебя окружали творческие люди.

А.В. Гладышев: Действительно окружали. Но не только творческие. Бабушка с материнской стороны, Вера Зотовна Казарова, долгие годы работала врачом в Заволжье, лечила в том числе казахов и местных немцев. Она потом много рассказывала мне об их обычаях и об их образе жизни.

Дед, Николай Васильевич Кулаков, был геологом, искал в Поволжье полезные ископаемые, в том числе нефть, кое-какие залежи которой у нас тут встречаются, имел степень доктора наук. По семейным преданиям, степень эту он получил благодаря удачному стечению обстоятельств. В своих работах он критиковал мелиорацию, считая, что искусственно орошать Заволжье вредно, ибо это ведет к подъему грунтовых вод, а те, испаряясь, засаливают почву. Солончаки же остаются бесплодными на десятилетия. И потому, считал он, мелиорация должна быть не сплошной, а тщательно дозированной. Но его точка зрения шла вразрез с основной тогда линией партии на широкую мелиорацию. И когда он в первый раз подал на защиту свою докторскую диссертацию, ее отклонили. Но потом какая-то советская научная делегация приехала в Америку, и коллеги там спросили: «А почему с вами нет Кулакова, известного критика мелиорации?». Глава делегации с ответом затруднился и, позвонив в Москву, рассказал о заданном американ-

цами вопросе. После этого деда вызвали в высшие инстанции и присвоили ему степень доктора наук – без защиты, по совокупности трудов. Видимо, кого-то наверху задело, что в Америке он признан, а у нас нет.

Человек он был весьма своеобразный. Изначально окончил Саратовскую духовную семинарию, куда брали детей священников. И хотя потом состоял в партии и работал некоторое время в университете, он умел и любил, даже в пожилом возрасте, цитировать Священное писание, причем не только Новый, но и Ветхий завет. Любимой его поговоркой, которую и я сегодня иногда применяю, было «Блажен муж, ибо не иде на совет нечестивых». Так у нас в семье называли ученых и диссертационный советы, куда он ходил и куда мне теперь ходить положено. Но если почему-либо идти туда не могу, поговорка эта весьма кстати приходится.

В семейной жизни у деда с бабушкой всё непросто складывалось: сходились, расходились, но, в конце концов, снова вместе оказались. Бабушка очень неплохо знала немецкий и, когда я в детстве увлекся филателией, помогала мне читать надписи на австрийских и немецких марках. Дед же часто мне помогал решать задачи по математике и физике – он эти науки хорошо знал. Мы с ним долгое время жили вместе в небольшой комнатке, и, сколько я его помню, он кроватью принципиально никогда не пользовался, а спал по-походному на полу, стеля матрасик-скатку. Имел он также свои экспедиционные кружку и ложку и за едой только ими пользовался. (Такая же экспедиционная привычка и у меня сейчас есть). Только когда дед уже совсем старым стал, удалось его уговорить перебраться на раскладушку. И вот лежа на ней, он что-то читал, писал, а когда требовалось, подсказывал мне как задачи решать.

Отец же мой, Владимир Андреевич, родом из Новосибирска. Есть в Сибири такие грибы – «гладыши», откуда и фамилия взялась, весьма там распространенная. Его отец, мой дед, был столяром-краснодеревщиком на авиационном заводе, где из дерева делали истребители ЛаГГ-3. В войну на его паек жила вся семья. Когда Володе Гладышеву было 11 лет, отец заболел дизентерией. Жили они в пригороде, и Володя, погрузив отца в тачку, повез его в больницу. Дело было зимой. Привез, а тело уже остыло.

Поступил тогда Володька в ремесленное училище. Трудно сказать, как там в училище складывались отношения, но вышел он оттуда со шрамом через всю щеку и кличкой «Битый». Затем

служил на военно-морском флоте, на подводной лодке. Отслужив, вернулся в Новосибирск, начал работать помощником машиниста на паровозе. Женился. Развелся. Увлёкся художественной самодеятельностью. Однажды их коллектив пригласили выступить на местном телевидении. Володьке там так понравилось, что он остался работать на телецентре. Не имея специальной подготовки, он самоучкой постепенно освоил профессию телевизионного режиссера. Ему даже официально присвоили 2-ю категорию, что по тем временам было большой редкостью, так как еще далеко не во всех областных городах имелись свои телецентры. Но потом у Володьки опять случилась несчастная любовь, из-за чего ему даже пришлось уйти с телевидения. Он разослал тогда по разным телецентрам письма, спрашивая, не нужен ли где телережиссер 2-й категории. Откликнулся Саратов. Туда Володя Гладышев и поехал. В кепке, с чемоданчиком, обитым железными уголками (сейчас у меня дома стоит), матрас-скатка под мышкой. Высокого роста, прекрасные зубы, неотразимая улыбка, вьющийся чуб. Матушка моя, Ольга Николаевна, сразу в него и влюбилась. Поселился он у нее в Агафоновке, а через несколько лет и я родился.

А.В.Ч.: Сама-то Ольга Николаевна чем тогда занималась?

А.В.Г.: Тогда еще училась на филологическом факультете. Потом она работала на телевидении журналистом. Затем ушла редактором в Приволжское издательство, а оттуда – в литературный журнал «Волга». Сперва только других редактировала, а затем и сама начала писать. Первое время выступала как литературный критик, публикуя рецензии, особенно на стихи, но иногда и на художественную прозу. Она также много работала в саратовской кинохронике как сценарист. По ее сценариям сняли несколько десятков документальных фильмов.

Отец тогда работал уже как режиссер-документалист. Потом он уехал в Куйбышев, нынешнюю Самару. Там на телевидении его до сих пор помнят и ценят за создание местной школы документалистики. Затем перебрался в Горький (теперь это Нижний Новгород), где тоже снимал большие документальные фильмы. Хорошие ленты, душевные. Он прекрасно умел монтировать. Мама удивлялась, как у него это получается. Материал отсняли, идет предпросмотр, все фыркают: «Нет ничего – ни идеи, ни плана». А он потом так смонтирует, что всё появляется. Такое умение

и в моей работе очень важно: что с чем соединить и как смонтировать более или менее цельный текст из разных отрывков, обрывков и записок на обороте трамвайных билетов. Хорошо, если отец передал мне это умение. Он редко снимал людей крупным планом. Любил виды из жизни русской деревни, природу, лошадей... Однажды, когда он жил уже с другой семьей в Нижнем Новгороде, он вернулся со съемок верхом на лошади – подарили в деревне. На следующий день лошадь, конечно, пришлось вернуть: атмосфера в доме действительно была, творческая.

А.В.Ч.: А когда мама начала писать большие романы?

А.В.Г.: Первый ее роман «Праздник с дождями» вышел в 1984 г. Но до того еще были повести. В школе я увлекался парусным спортом, занимался в яхт-клубе. Она меня туда водила, смотрела на всё это, и в 1977 г. написала повесть для юношества «Слушаю ветер» – о яхтинге, о пацанах, о тренерах, со всеми техническими подробностями, терминологией, с какими-то историями из моей жизни и жизни моих друзей. Потом она вышла замуж за писателя Бориса Васильевича Дедюхина, который к тому времени уже опубликовал несколько художественных книг о Дальнем Востоке, где занимался журналистикой на Сахалине. Оттуда он перебрался в Саратов и стал работать в журнале «Волга», где они с мамой и познакомились. Стали они в соавторстве писать романы на историческую тему: «Соблазн. Василий II Темный», «Крест. Иван II Красный», «Ночь. Юрий II Всеволодович», «Зачем ты была?». Я и сейчас могу определить, какие страницы кем из них написаны. Где про природу или чувства, там мамина рука. Где про исторический контекст, Борис Васильевич поработал. Он очень серьезно подходил к сбору материала: летописи в библиотеке читал, старые книги, церковную литературу.

Писали они и по отдельности. Помню повесть Бориса Васильевича «Крэк» про знаменитого породистого скакуна по кличке Анилин. Хорошо читается, легко написана. По ней на Одесской киностудии Кира Муратова даже сняла картину «Увлеченья», взяв за основу эту и еще одну повесть Б.В. Дедюхина – «Приз Элиты», тоже про лошадей и скачки. Правда, сценарий фильма все же очень далеко ушел от литературной основы. Но пока он над книгой работал, мы с ним в поисках материала и впечатлений хорошенько на ипподромы ездили, на московский и особенно на пятигорский. Борис Васильевич ходил с тренерами общаться,

проблематику и терминологию осваивал, в конюшнях бесконечно крутился. Мы и на тотализаторе играли, часто выигрывали, а потом шашлык кушали.

Что касается писательского труда, то мама очень любила, когда я друзей в дом приводил. И когда я студентом был, и когда преподавателем молодым. Мама всё время с нами за столом сидела. Мы по рюмочке выпьем, она рюмочку. Сидит, слушает, потом вдруг убежит к себе в комнату, но через короткое время возвращается. Посидит, посидит и опять убегает. Думаю, куда она всё время бежит? И как-то пошел проследить. А она в соседней комнате карандашиком всё записывает: истории жизни, которые за столом звучат, байки разные. Я говорю: «Зачем?». А она: «Я имена изменю, но какие сюжеты! Какая жизнь! Выдумать такое ни одному писателю не под силу!». Вот как они, писатели, работают.

А.В.Ч.: А как ты историком решил стать?

А.В.Г.: Я где-то почти до десятого класса физикой увлекался. Мне нравилось понятие «закона». Оно как-то завораживало: то-то и то-то случится неизбежно! Может быть, подобное ощущение было недалеко от марксистского понимания истории с его экономическим детерминизмом. Ведь знать закон – означает предвидеть будущее. Это впечатляло.

Когда я окончил девятый класс, родители решили, что незачем мне летом в городе отираться и в подворотнях на гитаре брэнчать, а потому лучше отвезти меня «на юга». И с отчимом, Борисом Васильевичем Дедюхиным, мы отправились на Таманский полуостров к его другу, писателю Виктору Ивановичу Лихоносову. Сначала мы приехали в Краснодар. Лихоносов там жил один, мать в станице находилась. Первым делом, конечно, оба писателя пошли на кухню, открыли, налили и стали современную литературу обсуждать – мол, теперь уже не то всё, не то: поисписались коллеги, остались лишь два чего-то стоящих автора, и оба на этой кухне сидят. А я тем временем смотрю по телевизору «Сельский час», балет «Лебединое озеро» и дальше всё подряд по программе. Заскучал. Попросился обратно в Саратов. Лихоносов говорит: «Да, действительно, что парню в городе сидеть. Поедемте в станицу к моей матушке – там виноград, море, природа...». Приехали в станицу. Писатели сели, домашнего вина себе налили и опять за свое – про литературу. А тут даже телевизора не было... Наконец, Борис Васильевич оторвался от беседы и пошел со мной по

округе прогуляться – одного-то в незнакомом месте не отпустишь. А была это станица «За Родину», что в Темрюкском районе. Шли мы по берегу моря, шли, видим: люди в земле копаются. Оказалось, археологическая экспедиция. Участвовали в ней студенты и выпускники исторических факультетов Саратова и Степанакерта да несколько человек с Украины. Самый младший – студент второго курса. А я-то вообще еще школьником был. Говорю: «Тут хочу остаться. Что мне там с вами, великими писателями, сидеть?». Интересно мне стало, чего это люди так дружно в земле роются, и весело им так – смеются. Дедюхин пошел к начальнице экспедиции, подарил ей свою книжку с автографом и книжку Лихоносова тоже с авторской подписью. Она посмотрела на меня – а я щуплый был такой, кудрявый – и говорит: «Будет работать – буду кормить. Пусть остается». Борис Васильевич побежал в сельпо, купил мне одеяло байковое, кружку эмалированную, ложку и вилку. (Вилку я уже на другой день потерял, да и не нужна она там). Дал он мне еще двадцать пять рублей одной фиолетовой бумажкой (большие по тем временам деньги!) и удалился в станицу обсуждать с Лихоносовым судьбы русской литературы. А я остался с археологами.

В экспедиции мне понравилось. Совсем другой круг общения, чем в моей саратовской подворотне, другие разговоры, другие песни, другие отношения. Меня, самого младшего, приняли как «сына полка», признали. И, в конце концов, даже взяли жить в «центральной» палатку, где обитали выпускницы саратовского истфака – неформальное ядро всего коллектива. В каждой экспедиции есть такой «центр лагерной вселенной», а тут его составляли эти девушки. К ним я и попал в обучение. Почему они меня к себе взяли? Думаю, потому что я хорошо работал. Даже как-то от жары и усердия сознание потерял на работе. Они меня учили жизни. Спрашиваю их однажды: «Как вы парней оцениваете, когда говорите, что этот – «мужик», а этот – «не мужик»? Все вроде бы одинаково штаны носят». Бросились они наперебой объяснять, все восемь, но самая старшая, Валентина, говорит: «Стойте, дайте я объясню. Мужик определяется не по штанам, а по хребту. Вон один замначальника экспедиции наравне с мальчишками лопатой работает и воду носит, а другой в тени лежит, газету читает. У первого хребет есть, у второго нет. Зачем он нам, бабам, такой красивый нужен?». Я это запомнил.

С парнями я тоже дружил. Позвали они меня как-то с собой в станицу, чтобы канистру домашнего вина купить (это дозволялось).

Не в ту станицу, где мои писатели сидели, а в соседнюю. Зашли в один из дворов – покупали всякий раз в разных, но перед этим по всей улице проходили, пробовали, – хозяйка начала им канистру наполнять, и тут меня заметила. А я стою худющий, на солнце весь обгоревший, кудри спутались, в них солома из тюфяка застряла. Хозяйка запричитала: «Ой, кто ж это такой молоденький? Что они с тобой, ироды, сделали?! Не кормят совсем! Возьми-ка картошечки, яичек, лучку». Полные руки насовала. А парни мои насупились, в глазах читается: «Только попробуй один всё сожрать! Это на всех». Я, что успел, съел, остальное они припрятали и пошли со мной на следующий двор. Там сцена повторилась. Обрато брели уже все сытые, довольные и для оставшихся в лагере добычи принесли. С тех пор они меня всё время с собой на промысел стали брать. Начальство недоуменно интересовалось: «Он-то вам зачем там?» Ответ был единодушен: «Без него никак. Очень нужный кадр». А меня перед походом в станицу наставляли: «Не жри. Чтобы голодный блеск в глазах был!» Всегда срабатывало.

Много всего в экспедиции было интересного. Под конец её ребята на общем собрании начальницу попросили мне заплатить так же, как всем остальным, потому что я наравне со всеми работал. И я получил свою первую в жизни зарплату.

Пробыл я в экспедиции до конца лета. Ездили мы с Тамани на пароме в Керчь, и там я впервые попробовал пепси-колу. А ведь на дворе стоял всего лишь 1978 год! Еще мало кто в стране вкус пепси-колы знал. Однако в Новороссийске уже работал завод по ее производству и снабжал ею всё Причерноморье. Гуляли мы по Керчи, купили около памятника Ленину сосуд, стилизованный под древнегреческий чернолаковый кратер, влили туда четыре бутылки пепси, одну бутылку водки и выпили по кругу. Потом мальчишки куда-то рассосались, девчонки же повели меня стричься, а то белобрысые кудри до плеч отросли, и солону из них уже было не вычесать. На мне черная водолазка, под Владимира Высоцкого, брюки-клёш и башмаки с оранжево-сине-зелеными носами на толстой, в два-три сантиметра, подошве из микропоры... Постригся я, как тогда было принято, «под канадку», подхожу к девчонкам – они меня на улице ждали, о чем-то своем щебетали, а они меня сперва даже не узнали. «Проходи, – говорят, – парень, не мешай». А потом опознали, присмотрелись, и одна: «Ой, какой хорошенький!». Так я встретил свою первую любовь.

Вернулся я к началу учебного года в Саратов под большим впечатлением от экспедиции, отправился по привычке к друзьям в свою любимую подворотню, постоял там, послушал и... заскучал. Стало мне там не интересно. Они-то все вели прежние разговоры, пели все те же песни про водосточную трубу, по которой бежит вода. В подворотне мало что изменилось, а у меня уже был другой мир, другие разговоры, песни, горизонты.

Физику я подзабыл и весь десятый, выпускной, класс целенаправленно готовился к вступительным экзаменам на истфак. Тренировался писать сочинения, и тут два писателя в доме очень кстати оказались. Учил язык, французский, что облегчало мне будущую конкуренцию, так как его, в отличие от английского, гораздо меньше абитуриентов сдавало. И, конечно же, занимался историей. Так южная археологическая экспедиция изменила мои интересы и побудила стать историком.

А.В.Ч.: А как ты пришел к изучению истории Франции и конкретно творчества К.А. Сен-Симона? Ты же вроде бы обязан был тяготеть к археологии: не случайно до сих пор каждое лето в экспедицию едешь.

А.В.Г.: В 2005 г., когда мы с тобой работали над проектом по гранту французского МИДа, наш друг, парижский историк Серж Абердам спросил меня о том же: «Почему Франция? И почему Сен-Симон?». Тогда мне и по-русски на такой вопрос оказалось трудно ответить. Но с тех пор я на эту тему много думал, пытаюсь определить, когда же, собственно, произошел мой выбор.

У нас был очень сильный курс, по-настоящему сильный. Из него к сегодняшнему дню докторами наук по истории и философии стало с полдюжины человек, да еще несколько кандидатами. Тех, кто особенно блистал на курсе, взял к себе на специализацию Игорь Васильевич Порох, видный историк декабризма. Существовавшие тогда жесткие правила не разрешали профессорам брать более пяти человек. Я к И.В. Пороху не попал. Потом он меня спросил: «Что ж ты ко мне не пришел?». А я, признаюсь, момент распределения прошляпил. И когда собрался к кому-то записаться, увидел, что места остались лишь у Анатолия Васильевича Родионова в спецсеминаре по истории общественной мысли, где среди тем значился, в том числе, и утопический социализм Сен-Симона. А.В. Родионов был кандидатом наук, проректором по заочному отделению, и я решил, что пойду к нему. Оказалось,

я единственный к нему записался добровольцем, а остальными участниками спецсеминара стали те, кому места в других семинарах не нашлось. С тех пор А.В. Родионов всегда помнил и сейчас помнит, что я к нему «по своей воле» пришел.

Занятия наши проходили в небольшом кабинетике Анатолия Васильевича. Он впервые руководил спецсеминаром, но тот как-то сразу пошел весьма бойко. Мы дискутировали, сыпали цитатами, а наш руководитель, слушая нас и глядя в окно, счастливо улыбался (на то были свои, внеучебные причины). Анатолий Васильевич показал мне возможности методологии и научил ставить проблему. Он один из тех трех преподавателей, кто меня за годы учебы в университете особенно много чему научил.

Другим реальным, а не номинальным учителем был Владимир Иванович Кац, археолог, специалист по клеймам, который на первом курсе вел у нас семинары по Древнему миру. Он требовал от нас анализа источников и учил основам этого анализа. Это мне многое дало. Наши отличницы, готовясь к семинару, читали в библиотеке литературу, указанную в методичке, что-то оттуда выписывали, а потом пересказывали на занятиях. Кац жутко на них орал: «Откуда вы это взяли!? Что это за бред!? Кто вам это сказал!? Чего вы там начитались!?». Потом обращался ко мне: «Ну-ка давай ты, читай хрестоматию!». Я читаю. Он: «И что думаешь?». Я отвечаю: «Да фигня всё это!». Кац: «Во-от! Молодец!!! Но почему фигня?». Я: «Да не вижу тут никакой классовой борьбы. Это скорей всего этнография». Кац: «Точно ведь. Вот так надо работать! Как понимаешь, так и надо говорить. Вы вот тут все чьи-то мысли пересказываете, а он хотя тоже бред несёт, но всё же свой бред, не чужой!».

Третьим был Игорь Данилович Парфёнов, уже когда дело дошло до написания кандидатской диссертации. Он научил меня структурировать свою работу, чтобы та получалась четко выстроенной. Требовал что-то где-то урезать, где-то добавлять. Растекаться мыслью по древу хорошо, но у этого древа лишние сучки лучше всё же обрезать, а листве форму придать. Конечно, и другие преподаватели обучили меня многим вещам, но как самых главных своих учителей, которые дали мне реальные навыки и умения, я запомнил этих трех.

В спецсеминаре А.В. Родионова я начал заниматься Сен-Симоном и, в конце концов, написал о нем дипломную работу. Окончив университет с красным дипломом, я пошел работать в педвуз.

Был уже женат, мы ждали ребенка, а потому меня освободили от обязательного распределения. В результате я смог устроиться в Саратовский пединститут им. К. Федина лаборантом на межфакультетскую кафедру истории КПСС. К моему счастью, именно в год моего окончания университета, в 1984 г., в Саратовском пединституте было открыто при филологическом факультете отделение истории. Там я начал преподавать за почасовую оплату – читал историю России, а потом (из-за отсутствия на первых порах других преподавателей) и всю остальную историю, кроме, пожалуй, новейшей истории Азии и Африки.

В пединституте имелась своя специфика: он выполнял важную государственную задачу, готовя школьных учителей прежде всего для сельской местности. И учились там в основном выпускники сельских школ. Работал я лаборантом года два. Был куратором группы. Максимальная разница в возрасте с моими подопечными составляла пять лет. Некоторые, «армейцы» или «с производства» – и вовсе мои погодки! Регулярно, в соответствии с планом воспитательной работы, навещал их в общежитии, устраивал конкурсы «А ну-ка, девушки!» и «А ну-ка, мальчишки!», играл с ними в КВН, возил в археологические экспедиции. Прекрасное было время. Со многими из своих бывших учеников дружу до сих пор...

Но традиции кафедры истории КПСС всё еще были крепки. Пришло время, и мой заведующий кафедрой И.С. Терехов, покряхтев (так он обычно начинал серьезный разговор) молвил: «Хоть ты и не из семьи рабочих, а из семьи служащих, думаю, можно уже тебя рекомендовать в кандидаты партии с последующим обучением в аспирантуре по истории КПСС». А шёл примерно 1986 или 1987 год. В партию уже мало кому хотелось. Я было затосковал, но потом, набравшись смелости, ответил, что к членству в партии еще внутренне не готов, но свою научную стезю мыслю в русле истории утопического социализма. Я, конечно, тут же пал в глазах заведующего кафедрой и члена обкома КПСС: заниматься историей социалистических идей в принципе неплохо, но парень («хоть и с красным дипломом») явно ничего не понимает в перспективе карьерного роста. К счастью, я вскоре перешел на должность старшего лаборанта по отделению истории, да и заведующий кафедрой Новой и новейшей истории в университете, И.Д. Парфенов, меня не забыл и позвал в аспирантуру.

Сам он был специалистом по колониализму и предложил мне заняться тем же: «Раз у тебя французский язык, изучай Французскую Африку. У меня все занимаются Британской Африкой, и я тоже, а ты возьмешь у нас модель исследования, и французов своих туда понапишаешь». Разговор произошел в полутемном коридоре у дверей кабинета А.В. Родионова. Того, к сожалению, на месте не было, и я опять оказался один перед трудным выбором: с одной стороны, желание продолжить тематику дипломной работы, с другой – строгий оценивающий взгляд потенциального научного руководителя. Вздохнув, уже не в первый раз, я ответил, что хотел бы продолжить с утопическим социализмом. И.Д. Парфенов: «Ну хочешь, так продолжай, но тогда сам пиши: я в этом ничего не понимаю. Пиши, как сам видишь. Я структуру твоей работы, конечно, проконтролирую, но за содержание сам отвечай». И ушел. А я остался в сомнении. Что это означало: «тогда сам пиши». Может, лучше было согласиться на его предложение? Но тут прибежал бодрый А.В. Родионов и легко развеял мои сомнения: «Тема диссертательная, дерзай!». Так я и остался во франковедении. Не знаю, приобрело ли оно что-то в моем лице, но африканистика, как в свое время физика, явно потеряла...

Вот какой длинный ответ получился на вопрос, на который я в свое время не смог ответить ни Сержу Абердаму, ни даже себе. Потребовалось несколько лет размышлений, чтобы понять, почему я оказался тут, а не где-то еще. Во многом свою роль, конечно, сыграл Случай. Иначе занимался бы, скажем, археологией, причем античной – в память о своей Первой Экспедиции.

А.В.Ч.: Воистину, не мы пишем этот Сценарий. Но ты свою роль в Нем прекрасно выполняешь... Однако теперь Сен-Симон и сенсимонизм – в прошлом?

А.В.Г.: Надеюсь, нет. «Миры Сен-Симона» пока не все открыты и еще ожидают услышать звук моих шагов. Во многом, тоже благодаря случаю – когда мы выиграла с тобой наш первый грант в саратовском МИОН¹, я в начале 2000-х гг. занялся имагологией. А уже в 2010-е гг. увлекся военно-исторической антропологией. Кто-то может сказать «разнотемье»? Возможно, но основа одна – не история событий, а история отражения этих событий в сознании человека. Научных «долгов» по данной проблематике накопи-

¹ Международный институт общественных наук – сеть исследовательских центров в российских вузах, финансировавшаяся в 2000-х гг. американскими научными фондами.

лось столько, что дай Бог здоровья их все отдать! К тому же меня всё больше тянет на размышления о соотношении морали с историописанием, а также на Эго-историю. Вот выйду на пенсию и напишу иронические мемуары о себе и своем времени.

Да, и спасибо тебе, что не спросил о научных планах на текущий год...

А.В.Ч.: Ну я же не твой заведующий кафедрой... Все планы в науке о прошлом – это лишь намерения, а жизнь диктует нам свои темы, свои историографические и методологические «повороты». И чтобы наши читатели могли сами увидеть, как это происходит, мы далее публикуем библиографию твоих трудов за прошедшие годы – тематических поворотов там хватает.

Поступило в редакцию: 14.01.2022

Принято к печати: 16.01.2022

**«A MAN IS DETERMINED BY HIS SPINE».
INTERVIEW WITH ANDREY GLADYSHEV
(FOR THE 60th ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)**

An interview with the eminent researcher of the history of France, professor at Saratov University Andrey Vladimirovich Gladyshev, taken on his 65th birthday, is published. A.V. Gladyshev talks about his parents, about the creative atmosphere in the family, the choice of profession, studying at the university and his formation as a specialist of French history.

Keywords: Andrey Gladyshev, France, French studies, archeology, historiography.

Citation: Tchoudinov, A.V., (2022) «Muzhik opredeliaetsia po khrebtu». Interv'iu s A.V. Gladyshevym (K 60-letiiu so dnia rozhdeniia) [«A Man is Determined by His Spine». Interview with Andrey Gladyshev (For the 60th Anniversary of His Birth)]. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-418-429. *Annual of French Studies* 2022, vol. 55, p. 418-429.